

Андрей КНЫШЕВ: *Отчая*
газета, 1998 - № 23-фев. - с. 16

— Для меня Никулин начался с какого-то шестьдесят дремучего года, когда я по телевизору увидел его рассказывающим анекдот. Он говорил: «У меня два анекдота. Один — абстрактный. Идет женщина по улице, у нее белый батон в авоське. Вдруг она поскользывается, батон падает в грязь. Встает, отряхивается, идет дальше. Ей говорят: «Что же вы хлеб бросили, не стыдно?» Она: «Извините, у меня язва, я черный хлеб не ем». И тут же второй анекдот. «Едет в тесном троллейбусе мужчина с трубкой во рту. Его прижало к женщине, у которой в руках карликовая собачонка. Мужчина шумно сопит, сосет свою трубку. Женщина воротит нос: «Прекратите курить!» Он: «Я не курю. У меня привычка такая сосать трубку. Вы лучше вашу собачонку уберите куда подальше». Слово за слово, начинается ссора, которая кончается тем, что она вырывает его трубку и бросает ее в окно, он вырывает эту собачонку, тоже бросает в окно. А сопение продолжается, но за окном. Троллейбус останавливается, все выходят и видят, что бежит собачонка, а в зубах у нее... — булка из первого анекдота». Тогда у меня просто шок был от самого типа мышления, и Никулин состоялся для меня как человек с каким-то дополнительным измерением.

И была очень памятная личная встреча. Я был втянут в проект «Старые песни о главном», писал какие-то смешные слова и вдруг оказался в кабинете у Юрия Владимировича, сбивчиво рассказывая, как и что он должен играть и как все будет замечательно. Он, упершись рукой в щеку, посмотрел на меня совершенно бездонным взглядом и сказал: «Всё — чуть собачья». На этой высокой оценке мы и расстались, я ему оставил на прощанье свою книжку. Потом Костя Эрнст пошел к нему

уже с другим соавтором, Леней Парфеновым, и Юрий Владимирович, долго тряс Парфенову руку, говорил: «Какая замечательная у вас книжка. Спасибо, что вы мне ее подарили». Вот таким — из первого анекдота — я и остался в памяти Юрия Владимировича. И хотелось бы все это подытожить общей сентенцией. У нас часто путают две мысли: «О покойниках только хорошо». И — «Хорошо только о покойниках». Хотелось бы, чтобы таких редких исключений, как в случае с Никулиным, у нас было побольше.